

1001 ночь.

Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников и невольницу Марджану, полностью и до конца (Сказка про Али-Бабу и сорок разбойников)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 1](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3](#)

Когда Касим убедился в этом и увидел, что нет проку называть все сорта зерна, он сбросил золото с плеч, сел и снова стал вспоминать, какой же это знак назвал ему его брат, но он так и не пришел ему в голову. Он просидел некоторое время, охваченный крайней заботой и беспокойством, и никак не мог заставить это название появиться у него в мыслях, и тогда он стал горевать и мучиться, раскаиваясь в том, что сделал, когда от раскаяния не было пользы, и говорил: «О, если бы я удовольствовался тем, что предложил мне брат, и оставил жадность, которая стала теперь причиною моей гибели!» И он бил себя по лицу, вырывал волосы, рвал на себе одежду и посыпал голову пылью, проливая обильные слезы, и то кричал и причитал во весь голос, то плакал молча, охваченный печалью. И тянулись над ним долгие часы, и сменилось время, а он был все в том же положении, и каждая проходящая минута казалась ему целым веком. И пребывание его в сокровищнице все длилось и страх и ужас его все увеличивался, и наконец он отчаялся спастись и воскликнул: «Я погиб несомненно, и нет способа освободиться из этой тесной темницы!»

Вот что было с Касимом.

Что же касается разбойников, то они встретили караван, с которым шли купцы со своими товарами, и ограбили его, и захватили большие богатства, а после того, как было у них в обычае, направились в сокровищницу, чтобы сложить туда добычу. И когда они приблизились к ней, то заметили мулов, которые стояли там с сундуками, и встревожились, и показалось им это подозрительным. Они бросились на мулов как один человек, и мулы разбежались и рассеялись на горе, но воры не обратили на них внимания. Они остановили коней, и спешили, и обнажили мечи, остерегаясь хозяев мулов и полагая, что их много, но не увидели перед сокровищницей ни одного человека и подошли к двери. А Касим, услышав топот коней и людские голоса, прислушался и убедился, что это те самые разбойники, про которых ему рассказывал его брат. Он стал надеяться, что спасется, и решил убежать, и притаился за дверь, готовясь к бегству, а предводитель разбойников подошел и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь вдруг распахнулась, и Касим ринулся вперед, спасаясь от гибели и ища избавления, и когда он бросился к двери, то наткнулся на предводителя и повалил его. И Касим заметался среди разбойников и увернулся от первого, второго и третьего, но их как-никак было сорок человек, и он не смог ускользнуть от всех, и один из них настиг его и так ударил копьем в грудь, что зубы вышли, сверкая, из его спины, и кончился срок жизни Касима. Таково воздаяние тому, кем овладела жадность и кто замыслил обмануть и предать своего брата! Потом разбойники вошли в сокровищницу и увидели, что из нее что-то взято, и обуял их великий гнев. И завладела ими мысль, что их соперник — это убитый Касим, и что именно он взял недостающие драгоценности, но они не могли понять, как Касим попал в это неведомое, отдаленное и скрытое от глаз место и как разгадал тайный способ открыть дверь, который знал, кроме них, один Аллах, да будет он возвеличен и прославлен! И увидев, что он лежит убитый, недвижимый, они обрадовались и успокоились, так как думали, что никто, кроме него, больше не войдет в сокровищницу, и говорили: «Хвала Аллаху, который избавил нас от этого проклятого!» А затем, в назидание и на страх другим, они разрубили тело Касима на четыре куска и повесили их за дверь, чтобы послужило это предостережением для всякого, кто отважится войти в это место. И после этого они вышли, и дверь замкнулась, как раньше, и они сели на коней и уехали своей дорогой, и вот то, что было с этими людьми.

Что же касается жены Касима, то она целый день просидела, ожидая мужа и надеясь на исполнение своих желаний; она рассчитывала, что Касим принесет ей богатства, которых она так жаждала, и готовилась своими руками пощупать динары и фельсы. Но когда пришел вечер, а Касим все мешкал и не возвращался, она встревожилась, и пошла к Али-Баба, и рассказала ему, что ее муж с утра отправился на гору и до сих пор не вернулся и что она боится, не случилось ли с ним что-нибудь и не поразила ли его беда. И Али-Баба стал ее успокаивать и говорил: «Не тревожься! Его отсутствию до сего времени наверное есть какая-нибудь причина, и я думаю, что он решил не возвращаться в город днем из опасения, как бы его обстоятельства не стали известны. Он, несомненно, хочет вернуться лишь ночью, чтобы исполнить свое дело тайком; не пройдет и немногих часов, как ты увидишь, что он возвращается к тебе с деньгами. А что до меня, то, когда я узнал, что Касим намерен отправиться на гору, я воздержался и не поднялся туда, как обычно, чтобы мое присутствие его не стесняло и он бы не думал, что я намерен за ним подсматривать. Господь облегчит ему затруднения и завершит его дело благом! А ты возвращайся к себе домой и ничего не опасайся. Если захочет Аллах, случится одно добро и ты скоро увидишь, что он возвращается невредимый и с богатой добычей».

Но жена Касима вернулась домой совсем не спокойная и сидела огорченная, и было у нее на душе из-за отсутствия мужа тысяча печалей. Она строила всевозможные мрачные предположения, и ей приходили на ум дурные мысли, пока солнце не зашло и в воздухе не стемнело, и наконец наступила ночь, а жена Касима так и не увидела мужа возвратившимся. Она не стала ложиться, отказавшись от сна и ожидая своего мужа, а когда прошли две трети ночи и она увидела, что Касим не возвращается, то отчаялась и принялась плакать и рыдать, но не стала кричать и вопить, как делают женщины, опасаясь, что соседи услышат и спросят, почему она плачет. И жена Касима провела ночь без сна, в наихудшем состоянии, плача, тревожась, беспокоясь, волнуясь, горя и страшась, а когда наконец дождалась утра, то поспешила пойти к Али-Баба и сообщила ему, что его брат не вернулся. Она говорила с ним печальная, плача и проливая обильные слезы и будучи в состоянии неописуемого, и когда Али-Баба услышал слова, с которыми она к нему обратилась, он воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Не знаю, что и думать о причине его отсутствия до сей поры. Я сам пойду и выясню, что с ним случилось, и осведомлю тебя об истине в этом деле. Может быть, с помощью Аллаха, задержка окажется на благо и то, что случилось, не принесет вреда или зла».

И Али-Баба тотчас же снарядил своих ослов, взял топор и отправился на гору, как делал каждый день, но приблизившись к двери сокровищницы, он не нашел там мулов и заметил следы крови, и пресеклась его надежда увидеть брата, и он убедился, что тот погиб. И Али-Баба подошел к двери, охваченный страхом, уже чувствуя, что случилось, и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и когда он это говорил, дверь открылась, и он нашел тело Касима, разрубленное на части и повешенное за дверь. И волосы вздыбились у него на теле от подобного зрелища, и застучали зубы, и сморщились губы, и он едва не лишился чувств от страха и ужаса, и охватило его сильное горе. Он опечалился великой печалью из-за участи брата и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! От того, что написано, никуда не убежишь, и что суждено человеку в сокровенном, то обязательно испытает он сполна!» Но потом Али-Баба подумал, что от плача и скорби в такое время нет ни пользы, ни проку, и что самое лучшее и необходимое — призвать на помощь все свое хитроумие и руководиться правильным мнением и разумным суждением. Он вспомнил, что завернуть брата в саван и похоронить — это его обязанность и одна из заповедей ислама, и взял куски разрубленного трупа Касима, и положил их на ослов, и прикрыл тканями, добавил сверх того драгоценностей из клада, которые ему понравились, тех, что весят немного, а ценятся высоко. Он дополнил ношу ослов дровами, а потом подождал порядочно времени, пока не наступила ночь, и, когда мир покрылся мраком, направились в город.

И Али-Баба вступил в город, будучи в худшем состоянии, нежели мать, потерявшая ребенка, и не знал он, что ему предпринять и как поступить с убитым. Он гнал своих ослов, утопая в море мыслей, пока не остановился у дома брата, и тогда он постучался в ворота, и ему открыла черная абиссинская невольница, находившаяся у Касима для услуг, и была это одна из прекраснейших невольниц, с красивым лицом и изящным станом, юная годами, ясноликая и черноглазая, совершенная по качествам, и что еще лучше, она обладала здравым рассудком, острым умом, возвышенными помыслами и великим благородством в минуту нужды. Хитростью и изобретательностью она превосходила опытного проницательного мужа, и домашние дела лежали на ней одной, и ей поручалось исполнение всех нужд. И Али-

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Баба вошел во двор и сказал: «Пришло твое время, о Мард-жана, и нам нужна твоя хитрость в важном деле! Я открою его тебе в присутствии твоей госпожи; пойдем же со мной послушай, что я скажу ей». И он оставил ослон во дворе и поднялся к жене своего брата, и Марджана поднялась вслед за ним, удивленная и встревоженная тем, что она от него услышала. И когда жена Касима увидела Али-Баба, она спросила: «Что идет за тобой, Али-Баба,— добро или зло? Открылись ли следы Касима и узнал ли ты весть о нем? Поспешите меня успокоить и остудите жар моего сердца». Но Али-Баба медлил с ответом, и она почуяла истину и принялась голосить и плакать, и Али-Баба молвил: «Перестань кричать и не возвышай голоса! Берегись, чтобы люди не про слышали о нашем деле и не стала бы ты причиной того, что мы все погибнем».

Потом Али-Баба рассказал ей, что случилось и что произошло,— как он нашел своего брата убитым и тело его разрезанным на четыре куска и повешенным в сокровищнице, за дверью, и затем продолжал: «Знай и будь уверена в том, что наше достояние, наши души и наши семьи — это прекрасные дары Аллаха и имущество, вверенное нам на хранение. Он заповедал нам благодарность за милости и терпение при испытаниях, и скорбь не вернет умершего и не защитит от печалей. Будь же терпелива, ибо последствие стойкости — благо и благополучие. Смириться перед приговором Аллаха лучше, чем скорбеть и роптать. Правильно и разумно будет, если ты теперь станешь мне женой, а я стану тебе мужем и женюсь на тебе. Моей первой жене это не будет в тягость, ибо она женщина умная, чистая душой и целомудренная, благочестивая и набожная, и мы все заживем одной семьей. Слава Аллаху, у нас довольно денег и всяких благ, чтобы избавить нас от работы и труда ради пропитания, и это обязывает нас благодарить подателя за то, что он дал, и хвалить его за его милости». И когда жена Касима услышала слова Али-Баба, прошла ее великая скорбь и горесть, прекратился плач и высохли слезы, и она молвила: «Я твоя покорная раба и послушная служанка и повинуюсь тебе во всем, что ты считаешь за благо, но как ухитриться в деле с этим убитым?» — «Что касается убитого,— ответил Али-Баба,— то поручи это дело твоей рабыне Марджане — ты ведь знаешь, как много у нее ума и как велика ее сметливость, рассудительность и способность придумывать хитрости».

Потом Али-Баба оставил жену Касима и ушел своей дорогой, а что касается рабыни Марджаны, то, услышав его слова и увидев, что ее господин убит и разрублен на четыре части, она поняла причину этого, и стала успокаивать свою госпожу, и сказала ей: «Не тревожься и положишься в этом деле на меня. Я придумаю какой-нибудь способ, который принесет нам покой, и наша тайна не откроется». И она вышла и отправилась в лавку москательщика, находившуюся на той же улице, а этот москательщик был старый человек, далеко зашедший в годах, славившийся познаниями в разных областях врачевания и лечения и восхваляемый за искусство в деле варки снадобий, хорошее знание всяких зелий и простых врачебных лекарств. Она попросила у него лекарственного теста, которое прописывают только при тяжелых болезнях, и москательщик спросил ее: «А кому у вас в доме понадобилось такое тесто?» — «Моему господину, Касиму,— ответила Марджана.— С ним приключилась сильная болезнь, которая свалила его, и он теперь в состоянии небытия». И москательщик встал и вручил ей тесто, говоря: «Быть может, Аллах вложит в него исцеление». И Марджана взяла у него тесто из рук, дала ему сколько пришлось дирхемов и воротилась домой.

А на следующий день рано утром она вернулась к москательщику и потребовала лекарства, которым поят только тогда, когда уже нет надежды, и москательщик спросил ее: «А разве тесто вчера не помогло?» — «Нет, клянусь Аллахом,— ответила Марджана,— мой господин при последнем вздохе и борется за свою душу, а госпожа моя уже начала плакать и вопить». И москательщик вручил Марджане лекарство, и та взяла его, отдала за него деньги и ушла, и потом она отправилась к Али-Баба и рассказала ему, какую она придумала хитрость. Она посоветовала Али-Баба почаще заходить в дом своего брата и проявлять грусть и печаль, и он делал так, как она велела, и когда люди в квартале увидели, что он то и дело входит и выходит из дома брата и на лице у него следы печали, они спросили, в чем причина этого. И Али-Баба рассказал им, что его брат болен и что его поразил тяжелый недуг, и весть об этом разнеслась по городу, и люди только о том и говорили.

Когда же настал следующий день, Марджана до восхода зари спустилась в город и шла по городским улицам, пока не подошла к одному башмачнику, которого звали шейх Мустафа. А это был человек, далеко зашедший в годах, небольшого роста, толстоголовый, с длинной бородой и усами; он всегда открывал свою лавку спозаранку и был в этом отношении первым на рынке, и люди знали за ним эту привычку. И Марджана подошла к этому башмачнику, и вежливо и чинно приветствовала его, и положила ему в руку динар, и когда шейх Мустафа увидел, какого цвета монета, он долго вертел ее в руках и потом сказал: «Вот благословенный почин!» А он понял, что Марджана хочет обделать через него какое-то дело, и сказал ей: «Изъяви мне, о госпожа невольниц, каковы твои желания, и я их исполню для тебя». — «О шейх,— молвила Марджана,— возьми иголку и ниток, вымой руки, надень твои сандалии и позволь мне завязать тебе глаза, и потом ты пойдешь со мной, чтобы исполнить одно тонкое дело; ты получишь за него награду на земле и на небесах, и тебе не будет от этого ни малейшего вреда». — «Если я тебе нужен ради вещи, угодной Аллаху и его пророку,— молвил башмачник,— то я сделаю это охотно и с удовольствием и не стану тебе перечить; если же это грех и прегрешение, проступок и преступление, то я не повинуюсь тебе; ищи другого, чтобы это исполнить». — «Нет, клянусь Аллахом, шейх Мустафа, это вещь дозволенная и допустимая; не бойся же ничего», — молвила Марджана и, говоря это, вложила башмачнику в руку еще динар, и когда шейх Мустафа увидел это, он уже не мог перечить и отказываться, вскочил на ноги и сказал: «К твоим услугам! Все, что ты ни прикажешь, я исполню!» И он запер лавку, взял необходимые ему нитки, иголки и прочие принадлежности для шитья, а Марджана уже заготовила повязку, и быстро вытащила ее, и, согласно условию, завязала башмачнику глаза, чтобы он не мог узнать того места, куда она была намерена с ним пойти.

И Марджана взяла башмачника за руку и пошла, а он шел за нею по улицам и переулкам, словно слепой, не зная, куда он идет и какова цель этого. И они оба все шли, и Марджана то забирала вправо, то сворачивала налево, удлиняя дорогу, чтобы запутать башмачника и не дать ему понять, куда она направляется, и до тех пор вела его таким образом, пока не остановилась у дома покойного Касима. Она тихонько постучала в ворота, и ей тотчас же открыли, и она вошла с шейхом Мустафой и до тех пор поднималась с ним по лестнице, пока не привела его в комнату, где находилось тело ее господина. И когда башмачник оказался там, она сняла с его глаз повязку, и шейх Мустафа, когда глаза у него открылись, увидел себя в помещении, которого не знал, и обнаружил перед собой тело убитого. И он испугался, и у него затряслись поджилки, и Марджана сказала ему: «Не бойся, шейх, с тобой не будет беды! От тебя требуется только получше сшить части этого убитого человека и собрать его члены, чтобы его тело стало одним куском». И затем она дала башмачнику третий динар, и шейх Мустафа положил его за пазуху, говоря про себя: «Теперь время действовать рассудительно и руководствоваться правильным мнением. Я в помещении, которого я не знаю, среди людей, намерения коих мне неведомы. Если я стану им прекословить, они обязательно причинят мне вред, и мне остается только подчиниться тому, чего они хотят. Во всяком случае, я не ответствен за кровь этого убитого человека, и взыскать должное с его убийцы — дело Аллаха, великого и славного. В сшивании его тела нет ничего запретного, так что я не совершу этим греха и меня не постигнет кара». Потом шейх Мустафа сел и принялся сшивать и соединять части трупа убитого, и они превратились в цельное тело, а когда он закончил свою работу и цель оказалась достигнутой, Марджана встала, опять завязала ему глаза, взяла его за руку, спустилась с ним в переулок и ходила из улицы в улицу, от одного поворота до другого, водя башмачника за собой, пока не привела его к его лавке раньше, чем люди вышли из своих домов, так что никто ничего о них не проведал. Дойдя до лавки, Марджана сняла с глаз башмачника повязку и сказала ему: «Скрывай это дело и остерегайся о нем говорить и рассказывать, что ты видел, не болтай много о том, что тебя не касается,— тебе может достаться то, что тебе не понравится». Потом она дала ему четвертый динар и оставила его на улице, а вернувшись домой, принесла горячей воды и мыла и обмывала тело своего господина до тех пор, пока не очистила его от крови. Затем она одела убитого в одежды и положила на его ложе, а покончив с этим, послала за Али-Баба и его женой, и, когда те явились, рассказала им, что она сделала, и сказала: «Объявите теперь о смерти моего господина Касима и расскажите о ней людям».

И тут женщины подняли плач и крик и стали выть, голоса и причитая, и вопили и били себя по лицу, так что соседи это услышали и друзья пришли и стали их утешать. И тогда плач усилился, и поднялись вопли, и раздался крики и громкие причитания, и разнеслась по городу весть о смерти Касима, и те, кто его любил, призывали на него милость Аллаха, а враги его злорадствовали. А через некоторое время явились обмывальщики, чтобы обмыть умершего согласно обычаю, и Марджана сошла вниз и сказала им, что он уже обмыт, умащен маслами и завернут в саван, и дала им плату больше обычного, и обмывальщики ушли со спокойной душой, не допытываясь о причине этого и не спрашивая о том, что их не касается. Потом принесли носилки, и тело снесли вниз и положили на них, и пошли на кладбище, и люди шли за носилками, а Марджана и женщины-плакальщицы шли сзади, плача и причитая, пока не дошли до кладбища. И Касиму вырыли могилу и похоронили его,— милость Аллаха над ним! — и потом люди вернулись, и разбрелись, и ушли своей дорогой, и убийство Касима осталось таким образом скрытым. Никто не понял истинной сути дела, и люди думали, что Касим умер своей смертью.

Когда миновал законный срок, Али-Баба женился на жене своего брата, написал ее брачный договор и вступил с ней в сожителство, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

люди одобряли его поступок и приписывали его крайней любви Али-Баба к брату. Потом Али-Баба перенес к ней в дом свои пожитки и зажил там со своей первой женой, и туда же он перенес богатства, которые взял из сокровищницы. И Али-Баба стал думать, что ему делать с лавкой брата. А Аллах послал Али-Баба сына, которому к тому времени исполнилось двенадцать лет жизни, и мальчик раньше прислуживал одному купцу, и учился у него торговому делу, и стал искусен в этом занятии, и когда Али-Баба понадобился человек, который смотрел бы за лавкой брата, он взял сына у купца и поместил его в лавку, чтобы он там продавал и покупал. Он передал ему все вещи и товары, которые остались от дяди, и обещал женить его, если он пойдет стезею добра и преуспевания и будет следовать по пути справедливости и праведности.

Вот что было с этими людьми.

Что же касается разбойников, то они через некоторое время снова пришли в сокровищницу и, войдя туда, не нашли трупа Касима, и тогда они поняли, что об их деле проведал не один соперник, и что у убитого есть сообщники, и что дело их стало известно среди людей. Это очень встревожило разбойников и сильно опечалило их. Они проверили, сколько богатств взято из сокровищницы, и оказалось, что взято очень много. Тут они пришли в великую ярость, и предводитель их обратился к ним и сказал: «О богатыри, доблестные в бою и в сражении, пришло для вас время возмездия и мщения. Мы думали, что сокровищницу открыл кто-нибудь один, а их, оказывается, много, и мы не знаем, сколько их человек, и нам неизвестно их местожительство. Мы не жалеем своей души и подвергаем себя опасности гибели, собирая эти богатства, а кто-то другой пользуется ими, не трудясь и не утомляясь. Это зло великое, и мы не можем его терпеть! Нам непременно нужно придумать хитрость, чтобы добраться до нашего врага, и если уж он нам попадет, я отомщу ему самой страшной мстостью и убью вот этим мечом, хотя бы моя душа погибла. Теперь пришло время действовать и проявить смелость, мужество и отвагу. Разойдитесь по деревням и селениям, и кружите по городам и землям, и распытывайте и спрашивайте, не разбогател ли какой-нибудь бедняк и не похоронили ли недавно убитого; быть может, вы так выследите нашего врага и Аллах сведет вас с ним. А особенно нам необходим теперь человек хитроумный и ловкий на обман, отважный, как подобает мужу; пусть отделится от нас и ищет здесь, в городе, ибо наш враг обитает в нем, наверно и без сомнения. Пусть перерядится он в одежду купцов и украдкой проникнет в город; он должен разведывать новости и расспрашивать о случившихся там делах и событиях: кто умер или убит в недавнее время, где дом и семья умершего и как пришла к нему смерть, и быть может, он найдет того, кого ищет,— ведь дело убитого не остается сокрытым, и рассказ о нем распространяется в городе, и знает эту историю старый и малый. И если захватит он нашего врага или расскажет, где он находится, мы будем ему обязаны великою милостью, и я повышу его сан и чин и назначу его своим преемником. Если же он не выполнит требуемого, не исполнит того, что обещал, и обманет наши надежды, мы будем знать, что это жалкий дурак со слабым умом, неспособный на хитрость и лишенный сноровки; мы накажем его тогда за плохую работу и недостаток усердия и убьем его постыднейшим образом, ибо не нужен нам человек с малым мужеством и нет пользы оставлять жить лишнего прозорливости; ведь искусным вором будет только человек ловкий, знающий всякого рода хитрости. Что вы скажете на это, о смельчаки, и кто из вас возьмется за столь трудное и губительное дело?»

И когда они услышали слова предводителя и обращенные к ним речи, они одобрили его мнение и приняли изложенные условия, и все дали обет и клятву их выполнить, а потом один из разбойников, рослый человек, мощный телом, поднялся и обязался вступить на эту трудную, крутую дорогу, взяв на себя условия, изложенные раньше, относительно которых все согласились. И воры принялись целовать ему ноги, оказывая ему особое уважение, восхваляя его за смелость и отвагу и восхищаясь его твердостью и решимостью, и благодарили его за храбрость и мужество, восторгаясь его силой и неустрашимостью, и предводитель наказал ему поступать осмотрительно и действовать рассудительно, пуская в ход козни, обманы и скрытые ухищрения, и научил его, как войти в город в обличьи купца, который по внешности хочет заняться торговлей, а в душе имеет намерение разведывать и выслеживать. А окончив свои наставления, он оставил его и ушел, и другие разбойники тоже разошлись кто куда.

А тот, что предложил выкупить собою товарищей, надел одежду купцов, и принял их обличье, и провел ночь, собираясь отправиться в город, и когда прошла ночь и пришел рассвет, он пустился в путь, с благословения великого Аллаха, направляясь к воротам города, и вышел через ворота на его улицы и площади. Он прошел по рынкам и кварталам, когда большинство людей еще спало сладким сном, и шел до тех пор, пока не свернул на рынок шейха Мустафы-башмачника, и увидел он, что тот уже открыл лавку и сидит и зашивает чьи-то сандалии, ибо шейх Мустафа, как мы уже говорили, спозаранку выходил на рынок и имел привычку открывать лавку раньше других обитателей квартала. И вор-соглядатай подошел к шейху, и поздоровался с ним самым вежливым образом, усердствуя в приветях и выражениях почтения, и сказал: «Да благословит Аллах твои помыслы и да умножит уважение к тебе! Ты открыл свою лавку первый, раньше других обитателей квартала».— «О сын мой,— ответил шейх Мустафа,— усердствовать, добывая свой надел, лучше, чем спать, и таков мой обычай всякий день».— «Однако, о шейх, меня берет удивление, как ты, при твоих слабых глазах и пожилом возрасте, можешь шить в такой час, до восхода солнца, когда так мало света»,— молвил разбойник. И шейх, услышав эти слова, сердито повернулся к нему, поглядел на него искоса и воскликнул: «Я думаю, ты чужой в этом городе! Будь ты одним из его обитателей, ты не говорил бы таких слов, ибо я знаменит среди богатых и бедных остротой зрения, и старому и малому известно, как хорошо я знаю портняжное искусство! Недавно какие-то люди даже взяли меня, чтобы зашить для них мертвеца в комнате, где было мало света, и я отлично его зашил. Не будь у меня таких острых глаз, я бы не мог этого сделать». И едва разбойник услышал эти слова, он возвеселился и обрадовался достижению своей цели, и понял он, что божественная воля привела его к тому, что он ищет, и сказал, проявляя изумление: «Ты ошибаешься, шейх, и я думаю, что ты зашил только саван, ибо я никогда не слыхивал, чтобы зашивали мертвеца».— «Я сказал одну правду и говорю то, что есть,— ответил шейх,— но мне ясно, что твоя цель — разведать чужие тайны, и если ты хочешь именно этого, то уходи от меня и расставляй свои сети кому-нибудь другому. Может быть, ты найдешь говоруна, который много болтает, а что до меня, то меня называют молчаливым, и я не открою то, что хочу скрыть. Я не стану больше с тобой говорить об этом». И вор еще более уверился и убедился, что этот мертвец и есть тот человек, которого они убили в сокровищнице, и сказал шейху Мустафе: «О шейх, мне нет нужды в твоих тайнах, и молчать о них будет лучше, ибо сказано: «Умение хранить тайну — качество праведных». Я только желаю от тебя, чтобы ты меня провел к дому этого умершего: может быть, это кто-нибудь из моих близких или знакомых и мне надлежит утешить его родных. Я ведь уже долгое время не живу в этом городе и не знаю, что здесь случилось в дни моего отсутствия».

Потом он опустил руку в карман, вынул динар и вложил его в руку шейха Мустафы, но тот отказался взять деньги и сказал: «Ты спрашиваешь меня о том, на что я не могу тебе ответить. Меня привели в дом умершего лишь после того, как наложили мне на глаза повязку, и я не знаю дороги, которая ведет к нему».— «Что касается динара,— молвил разбойник,— то я дарю его тебе, исполнишь ты мою просьбу или нет. Возьми же его, да благословит тебя Аллах, и я не заставлю тебя его возвращать. Но возможно, если ты сядешь и немного подумаешь, то вспомнишь дорогу, по которой ты шел с закрытыми глазами».— «Это возможно только в том случае, если ты завяжешь мне глаза повязкой, как они тогда сделали,— ответил шейх Мустафа.— Я помню, как они взяли меня за руку, как повели, и как сворачивали, и как меня наконец остановили, и, может быть, я сумею найти дорогу к тому дому и проведу тебя к нему». И разбойник, услышав это, обрадовался и возвеселился. Он вручил шейху Мустафе еще динар и сказал: «Сделаем так, как ты говоришь». И потом оба встали, и шейх Мустафа запер свою лавку, а разбойник взял повязку и завязал ему глаза, а затем схватил его за руку, и они пошли. И шейх Мустафа то брал направо, то сворачивал налево или некоторое время шел прямо и делал так, как делала рабыня Марджана, пока не дошел до одной улицы. И он прошел по ней несколько шагов, и остановился, и сказал разбойнику: «Мне кажется, что меня остановили на этом месте». И тогда вор снял повязку у него с глаз, и по предопределению судьбы оказалось, что башмачник остановился как раз напротив дома покойного Касима. И вор спросил шейха Мустафу, знает ли он хозяина этого жилища, и тот ответил: «Нет, клянусь Аллахом, ибо эта улица далеко от моей лавки, и я не знаю жителей этого квартала». И вор поблагодарил шейха, и дал ему динар, и сказал: «Иди с миром, под охраной великого Аллаха!» И шейх Мустафа вернулся в свою лавку, радуясь, что нажил три динара, а вор остался стоять, смотря на дом и вглядываясь в него, и увидел, что ворота его похожи на ворота прочих домов в квартале. И он испугался, что не отличит их, и взял белил, и поставил на воротах маленький белый значок, чтобы по нему найти дом, а потом он вернулся на гору к своим товарищам, радуясь, со спокойной душой, уверенный, что дело, ради которого его послали, исполнено и что осталось только отомстить их врагу. Вот то, что было с этим разбойником.

Что же касается рабыни Марджаны, то когда она встала после сна и совершила утреннюю молитву, как имела привычку делать каждый день, она справила все свои дела и вышла, чтобы принести необходимые кушанья и напитки, и вдруг, возвращаясь с рынка, она заметила на воротах своего дома белый значок. Она всмотрелась в значок и удивилась, и это показалось ей подозрительным, и она подумала: «Возможно, что играли дети или что этот рисунок нарисовали уличные мальчишки, но вернее всего значок поставил какой-нибудь враг или подлый завистник, который преследует дурные цели или замышляет нехорошее дело. Разумно сбить его с толку и расстроить его скверные планы». И Марджана взяла белил и нарисовала на воротах соседней значки, похожие на значок, что вывел разбойник. Она пометила этим знаком около десяти ворот в квартале, а потом вошла к себе в дом и скрыла это дело от всех. Вот что было с Марджаной.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Что же касается разбойника, то, вернувшись к своим товарищам, на гору, он проявил радость и сообщил, что их цель достигнута, и желание исполнено, и отмщение их врагу близко. Потом он рассказал, как ему случилось пройти мимо того самого башмачника, который зашивал убитого, и как он нашел с помощью башмачника дом и поставил на воротах значок, опасаясь его не найти и не заметить, и предводитель поблагодарил его, и воздал ему хвалу за мужество, и обрадовался великой радостью, и сказал разбойникам: «Разойдитесь, наденьте одежду простых людей, спрячьте под пей оружие и идите в город. Войдите в него разными путями, и пусть будет для вас местом встречи большая мечеть, а мы с этим человеком, то есть с лазутчиком, пойдем к дому нашего врага. Когда мы найдем его и удостоверимся в этом, мы придем к вам в мечеть и условимся, как нам быть дальше, и посоветуемся, что будет вернее — ворваться в дом ночью или поступить иначе». И воры, услышав речь предводителя, одобрили ее, и сочли его слова правильным и, согласились с его намерениями, а потом они разошлись, оделись в одежду простых людей и спрятали под одеждой мечи, как велел им предводитель. Они вошли в город разными путями, боясь, как бы люди не заметили их, и место сбора было у них, согласно условию, в большой мечети.

Что же касается предводителя и лазутчика, то они пошли искать переулком своего врага, и когда они пришли туда, предводитель увидел дом с белым значком. Он спросил своего товарища, это ли нужный им дом, и тот ответил: «Да!» — а затем предводитель бросил взгляд на другой дом и увидел, что на его воротах тоже стоит белый значок. Он спросил, который же дом им нужен, первый или второй, и тот растерялся и был бессилён ответить, а потом предводитель прошел несколько шагов и увидел больше десяти домов со значками. «Ты все эти дома отметил или один?» — спросил он своего товарища, и тот отвечал: «Нет, только один». И предводитель воскликнул: «Так как же их теперь стало десять или больше?» — «Я не знаю причины этого», — ответил его товарищ, и предводитель спросил его: «Можешь ли ты узнать среди этих домов тот, который ты выделил и отметил своей рукой?» — и разбойник молвил: «Не могу, так как эти дома похожи друг на друга; они построены по одному образцу, и вид знаков одинаковый». Услышав его слова, предводитель понял, что не будет проку стоять на этом месте и что на сей раз нет возможности отомстить, так как его надежда оказалась обманутой. Он вернулся с тем человеком в мечеть и велел своим молодцам возвращаться на гору, наказав им разойтись разными дорогами, как они сделали, входя в город, и, когда все собрались в обычном месте, рассказал им, что случилось у него с воров, который не смог отличить дом их врага, и сказал: «Теперь нам должно исполнить над ним приговор по условию и соглашению, существующему между нами». И все ответили повиновением, а что касается вора-соглядаята, то это был смелый человек с твердым сердцем, и он не проявил трусости, а наоборот, выступил вперед, спокойный духом, свободный от страха, и воскликнул: «Поистине, я заслужил убийство, наказание за дурной план и малую хитрость, ибо я не сумел выполнить дело, которого от меня потребовали. Нет мне теперь охоты жить, и умереть лучше, нежели жить в позоре!» И тут предводитель вытащил меч и так ударил его по шее, что отмахнул ему голову от тела, а потом сказал: «О бойцы, искусные в сечах и в сражениях, кто из вас отважен и смел, чье сердце храбро и голова крепка? Кто возьмется исполнить этот трудный, тяжелый подвиг и страшное, опасное дело? Пусть не подходит ко мне немощный и не приближается слабый: я возьму только мужа, сильного яростью, чье мнение разумно, мысль правильна и хитрости всегда наготове». И поднялся тут один из воров, которого звали Ахмед аль-Гадбан, — а был это муж высокий ростом, толстоголовый, страшный видом, со смуглым лицом, гнусной внешностью и недоброй славой, и усы у него торчали, как у кошки, охотящейся за мышью, а борода тряслась, точно у козла, прыгающего среди коз и козлят, — и молвил: «О собрание примерных, не годится для этого дела никто, кроме меня, и если захочет Аллах, я вернусь к вам с верными вестями и укажу вам дом нашего врага самым ясным образом». И предводитель сказал ему: «Взяться за это можно только на тех условиях, о которых мы говорили прежде. Если ты вернешься ни с чем, тебя ждет отсечение головы, а если воротиться с победой — мы возвысим твой чин и положение и окажем тебе еще больший почет и уважение, и достанутся тебе всяческие блага».

И затем Ахмед аль-Гадбан оделся в одежду купцов, и вошел в город до восхода зари, и немедля направился в квартал шейха Мустафы-башмачника, куда узнал дорогу из рассказа своего товарища. Он нашел шейха сидящим в его лавке, и поздоровался с ним, и сел возле него, и заговорил ласково, и пустился с ним в беседу, и вскоре уже башмачник открыл ему тайну мертвого и рассказал, как он его зашивал. И Ахмед аль-Гадбан попросил шейха Мустафу провести его к дому Касима, и шейх отказался и не захотел даже говорить об этом, но когда Ахмед стал его соблазнять деньгами, он не мог устоять, так как деньги — стрела, бьющая в цель, и ходатай, которому не откажешь. И Ахмед завязал шейху глаза повязкой и сделал то же, что сделал его товарищ, упомянутый раньше. Он шел с шейхом Муста-фой, пока не дошел до улицы покойного Касима, и остановился пред его домом, а достигнув этого дома, он снял повязку с глаз шейха, дал ему плату, которую обещал, и отпустил его идти своей дорогой. И когда Ахмед нашел то, что искал, он испугался, как бы не спутаться, и, опасаясь, что это случится, поставил на доме маленький значок красным; он изобразил значок в скрытом месте и думал, что его никто не увидит. Потом он вернулся к своим товарищам и рассказал им о том, что сделал, и он радовался, не сомневаясь в успехе, и был уверен, что никто не увидит значка, так как он был маленький и незаметный. Вот что было с этими людьми.

Что же касается рабыни Марджаны, то она проснулась спозаранку и вышла, по своему обычаю, чтобы принести мяса, овощей, плодов, закусок и прочих необходимых припасов, и когда она возвращалась с рынка, красный значок не укрылся от нее, а наоборот, ее взгляд упал на этот значок, и она хорошо его увидела. Это показалось ей странным и подозрительным, и она поняла по своей прозорливости и великой сметливости, что значок — дело рук постороннего врага или близкого завистника, который желает зла обитателям жилища. И чтобы сбить его с толку, Мард-жана вывела красным на воротах соседней значки такой же формы, как этот, поставив их на том же месте, которое избрал Ахмед аль-Гадбан, и она скрыла это и промолчала, боясь причинить своему господину волнение и беспокойство. Вот что было с Марджаной. А вор, пробравшись к своим товарищам, рассказал, что произошло у него с башмачником и как он нашел дорогу к дому врага и отметил его красным, чтобы узнать его, когда это будет нужно. И предводитель приказал вора одеться в одежду простолюдинов, спрятать под ней оружие и входить в город разными дорогами и сказал: «И пусть место встречи будет для вас в такой-то мечети. Сидите там до тех пор, пока мы к вам не вернемся», — а потом он взял Ахмеда аль-Гадбана и пошел искать нужный дом, чтобы узнать его в точности. Но когда они дошли до уже известной улицы, Ахмед аль-Гадбан не сумел отличить дом вследствие множества знаков, поставленных на воротах, и, увидев это, смутился и замолчал, ничего не говоря. А предводитель, поняв, что Ахмед не может распознать дом, омрачился, и нахмурился, и сильно разгневался, но необходимость заставила его пока скрыть свою ярость, и он поспешил в мечеть к остальным вора и, встретившись со своими сообщниками, приказал им, вернуться на гору. И они разошлись, и воротились поодиночке к своему убежищу, и сели, чтобы посоветоваться, и тогда предводитель рассказал им о случившемся и о том, что судьба не сподобила их в этот день отомстить и снять с себя позор вследствие дурного образа действия Ахмеда аль-Гадбана и его неспособности узнать дом врага. Потом он обнажил меч и так ударил Ахмеда по шее, что голова слетела у него с плеч и рассталась с телом, и поспешил Аллах отправить его душу в огонь — а скверное это обиталище!